

УДК 821.161.1.09-1

НАСЛЕДИЕ Ю. КУЗНЕЦОВА В ТВОРЧЕСТВЕ ТВЕРСКИХ ПОЭТОВ

В. А. Редькин

Тверской государственной университет *кафедра
филологических основ издательского дела и
литературного творчества*

Многим тверским поэтам Ю. Кузнецов близок своей национально-патриотической направленностью, утверждением идей державности, пониманием поэзии как проявления вселенского творческого начала. Однако дело не только в мировоззрении, но и в близости их художественных миров. Ряд тверских поэтов не принимают кузнецовскую концепцию мира, человека и Бога. Тем не менее мощное влияние образной системы Кузнецова сказывается и в их творчестве.

Ключевые слова: *тверская поэзия, Ю. Кузнецов, К. Рябенский, Л. Гордеева, Г. Степанченко, а. Кулакова, почвенничество, духовный реализм, метафора, миф, символ, философское осмысление бытия.*

Глубина постижения законов бытия, путей духовного развития русского народа и кризисных явлений современности выдвигает Юрия Кузнецова в лидеры почвеннического направления русской поэзии конца XX – начала XXI в. Он выявляет различные возможности преломления социокультурных, политических и нравственных аспектов национальной жизни, что говорит о масштабе личности поэта, соизмеримой с эпохой, доказывает её яркую индивидуальность. Русская идея Юрия Кузнецова, говоря словами И. Ильина, «выражает русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание» [4, с. 66]. Она воплощает то, в чем русский народ «прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов». Через живое созерцание бытия, мира и человека, природы и национальной истории Кузнецов указывает духовный путь русскому народу.

Тверским поэтам Владимиру Львову, Галине Киселевой, Валентину Штубову, Николаю Капитанову, Олегу Горлову, Валентину Преображенскому и многим другим Ю. Кузнецов близок своей национально-патриотической направленностью, утверждением идей державности, неприятием сатанинских разрушительных сил, пониманием поэзии как проявления вселенского творческого начала. Мало кому из поэтов не только в России, но и во всем мире во все времена удавалось использовать безграничные возможности поэзии. Ю. Кузнецов это понял с первых шагов, с первых публикаций: «Поэзия не поддается определению. Она тайна... Человеческое слово – дар Божий. Народ творит устами поэтов, а главный поэт – это сам Бог. Он сотворил мир из ничего и вдохнул в него поэзию» [6, с. 101].

Поэзию Ю. Кузнецова в стилевом плане можно определить как романтическую. Но по большому счету к нему не подходит двоичная система воссоздающего и пересоздающего искусства, реализма и романтизма. Это ирреализм, ибо поэт своим практическим опытом проникает в сферы непознаваемого, но это и духовный реализм, ибо духовная реальность выступает у него явной, осязаемой, видимой

ипостасью мира. Фактически к духовному реализму, воплощению православного мировидения пришли, как и Ю. Кузнецов, такие тверские поэты, как Константин Рябенский, Галина Брюквина, Сергей Герасимов, Георгий Степанченко, Анатолий Соловьев, Любовь Гордеева, Валентина Карпицкая и др.

Но дело не только в мировоззрении, в общей идейной направленности творчества поэтов, а в близости художественных миров. Художественный мир Ю. Кузнецова органично и эстетически значимо включает в себя народно-сказочные элементы сюжета, персонажей, образы, мотивы. Фольклорная символика и миф в творчестве Кузнецова могут быть рассмотрены как праязык. Кузнецов принадлежит к ассоциативно-метафорическому течению в современной поэзии. При этом существуют принципиальные особенности метафорического мышления Ю. Кузнецова. Не случайно поэт пишет о «духовном одичанье метафоризма» [8, с. 20]. Свой путь в поэзии он видит в движении от метафоры к символу и мифу. С его точки зрения, «метафора способна, как мертвая вода из сказки, сростить отдельные части в тело, но само тело остается мертвым» [8, с. 22]. Вкладывая в метафору символический смысл, используя в метафоре традиционный миф и мифологизируя действительность, Ю. Кузнецов добивается ощущения живой метафоры. В мертвое тело он вкладывает душу. Критики находят у поэта широкое использование метаморфозы, когда поэт обращается к фантастическому сюжету, «чтобы показать его бытийность» [1, с. 42]. Его стих восходит к древним сакральным формам искусства. Именно в этом следует искать точки соприкосновения наиболее талантливых тверских поэтов с Юрием Кузнецовым, а подчас и его прямое влияние.

Имя Константина Рябенского стоит рядом с близкими ему по духу В. Соколовым, Ю. Кузнецовым, Н. Рубцовым, Н. Тряпкиным, С. Викуловым, Ст. Куняевым, О. Фокиной, А. Прасоловым, Б. Примеровым, А. Передреевым и другими поэтами-почвенниками. При этом понятие «почва» следует толковать как приверженность национальным традициям, нравственным ценностям народа-труженика, православной этике и эстетике.

К. Рябенский окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького. Особое значение для него имел семинар Юрия Кузнецова. Этот поэт, как известно, никем не восторгался, но доброе слово для Рябенского он нашел. Рябенский вспоминал, что Кузнецов обычно обращался к нему со словами: «А что нам скажет сермяжная правда?» Ю. Кузнецов подарил ему двухтомник русских поговорок, считая, что его развитие должно быть направлено на дальнейшее постижение мудрости и точности народного слова.

Добро, свет, теплота у К. Рябенского, как и у Ю. Кузнецова, почти синонимы, потому что речь чаще всего идет не о физических, а о душевных качествах. В этом доведенном до абсурда мире, где человек отчужден от человека, от земли, от природы, национальных корней, самого Бога, тепло символизирует возникновение невидимых связей, соединительных лучей, объединяющей ауры, в которых можно избавиться от своего одиночества, от своей тоски, беды и, наконец, собственных пороков и грехов. Если для него добро святое, то тепло – «небесное».

Под влиянием Ю. Кузнецова Рябенский вырабатывает свой оригинальный взгляд на исторические события, подчас вразрез навязанному СМИ массовому сознанию, будь то Октябрьская революция и Гражданская война, роль Сталина в истории нашей страны, отношение к перестройке и понятию «свобода». Ю. Кузнецов

увидел, что под выросшим из зерна свободы дубом собирались свиные рыла. Катастрофичность результатов, казалось бы, благого дела ощущает и Рябенький:

Миновало застойное время,
и всю забродили умы.
И свободы весомое семя
от Прибалтики до Колымы,
дав ростки, начало колоситься...
Только память народа – свежа!
И Россия подраненной птицей
заметалась, в просторах кружа [15, с. 116].

Ясно, что Родина для автора – абсолютная ценность, а вот к понятию свободы у него отношение не столь определенное, и если Россия не достигнет «высокого полета», «то семя свободы вырвут с корнем, как рвут сорняки».

Предмет своей любви и почитания поэты именует по-разному: «Родина», «матушка Россия» «Россия-мать», «Русская земля», «Великая Русь», «Отчизна», «Земля российская», «Русь святая», но суть одна. «Принимала ты все племена / И друзей и врагов обнимала. / Хоть меняли твои имена, / Ты текучей души не меняла», – пишет Кузнецов в стихотворении «К Родине» [7, с. 3]. К. Рябенький прямо заявляя: «Я без Родины не значу ровным счетом ничего» [17, с. 7].

Описывая вполне заземленные, бытовые отношения с дедом, поэт расширяет их до символа: «И к душе прижималась душа / в пониманье простом и великом» [15, с. 13]. Зрительный образ: самолет в небе «нитку упругую тянет» [16, с. 32] – несет в себе духовно-нравственный смысл: этой ниткою белой летчик «крепко привязан к земле», к ее ромашковому полю и калитке, открытой в деревенское детство. Образ связующей нити превращается в его стихах в мифологему. Это преемственность в слове, в песне, в поступке. Таково воспоминание о бабушке за прялкой: «Голос милый, светлый, напевая, / так щемяще, старчески дрожит, / и такая теплая льняная / песенная ниточка бежит...» – для того, чтобы сделать вывод: «И хранит от бед меня надежно чудотворный бабкин заговор» [15, с. 18]. Этот же символ развивается в стихотворении «Бумажный змей».

Но из всего контекста его творчества ясно видно душу по сути православного русского человека. Это сказывается прежде всего в особой искренности и исповедальности, особом чувстве греха и покаяния, примирении с необходимостью страданий в этом мире и неизбывной любви к нему, как к Божьему творению. Тенденция опоры на народное слово естественно приводит К. Рябенького к широкому использованию фразеологизмов и различных идиоматических выражений: «В семье не без урода», «Без сучка, без задоринки», «Капелька по капельке», «Чужую беду я руками разведу», при этом чаще всего они используются свободно, трансформированно, с переводом традиционного лексического значения в подтекст: «Какого рода мы, какого племени», «Хочешь, милуй ты, а хочешь – казни», «Потому что без труда не получится, хоть тресни, вынуть рыбку из пруда», «Не ловить за хвост удачу», «С места воз не сдвинешь ты», «Простота – хуже воровства».

Сохраняя память о трагических страницах русской истории, когда «разрушали храмы светоносные, оскверняли церкви на Руси», поэт ясно осознает, что это делали «безбожники серьезные», бездушные политики, «малый народ», по выражению И. Шафаревича, паразитирующий на судьбе народа великого. «Это зло творило меньшинство / именем российской революции», – считает К. Рябенький:

Дел заплечных мастера заправские,
выдирали с корнем без вины,
эти Емельяны Ярославские
памятники древней старины [15, с. 108].

Есть сейчас в поэзии модное течение метаметафористов. Оригинальности они добиваются за счет того, что часто остается неясным, где реальная основа образа, а где троп, что с чем сравнивается. В результате возникает ощущение иллюзорности окружающего мира. Получается тонкая и занятная игра ума. К. Рябенский, как и Ю. Кузнецов, широко использует этот взращенный современным авангардизмом художественный прием, но, как это ни удивительно, у него не только не появляется чувства призрачности реальной действительности, а напротив, она как бы удваивается, приобретая особую реальность духовной жизни:

В окружении березовом,
в беломраморном кольце
светлой родинкою озеро
у России на лице.
Затерялось светоносное
в незатейливой глуши,
отражая небо звездное
и качая камыши... [15, с. 5]

Столь распространенное олицетворение России выглядит здесь свежим и непосредственным, сопрягающим образ с конкретной земной красотой и с небесной бесконечностью. Но поэту этого мало. Он выходит на иной художественный уровень благодаря возникновению иной цепочки ассоциаций, где точка отсчета – любимая женщина:

И, держась за куст смородины,
Я губами тронул гладь.
Утоляя жажду,
родинку
долго буду целовать.

В таком наплыве чувств действительно надо держаться за что-то реальное, природно-народное, вроде смородинового куста из былины об Илье Муромце – образа фольклорно-символического, иначе можно раствориться в состоянии любви полностью, до нирваны, до небытия. Так же многослоен в стихах Рябенского и образ женщины-природы.

О значении творчества Юрия Кузнецова и его личности для Рябенского говорят стихи, непосредственно посвященные учителю:

Юрий Поликарпович молчанием
нас учил поэзии высокой
и глазами полными отчаяния
вдумчиво глядел и одиноко.
Нас сквозь сито медленно просеивал,
Отметая сор или полову.
На учеников смотрел рассеянно.
Предан был по гроб родному слову.
Взгляд его сверлил, насквозь просвечивал
И пытался разглядеть значимое.
Посторонним – делать было нечего!

Божье слово до того ранимое.
 Небушка бездонное сияние,
 Речка лучезарная с осокою.
 Может говорящее молчание
 Пробудили мысли в нас высокие [17, с. 36].

Преклоняясь перед талантом Ю. Кузнецова, К. Рябенский в стихотворении «Тяжелая утрата» называет его гением: «Талант – всегда дается Богом, / лишь бездарь служит сатане, / по столбовым летит дорогам, / известен всей своей стране. / А гений жжет и молча медлит – сойдет ли с неба благодать, / чтоб не туманить тусклой медью, / а чистым золотом сиять» [17, с. 34].

Творческая манера Ю. Кузнецова близка и Георгию Степанченко Это и слияние образа и смысла, и возможность различных интерпретаций, и апелляция к воображению, и выбор кратчайшего пути к сущности объекта. Как и Кузнецов, он добивается ощущения живой метафоры, в мертвое тело вкладывает душу. По словам С.Ю. Николаевой, «поэзия Г. Степанченко многогранна и с художественной, и с содержательной точки зрения, поэт обладает не просто эрудицией, позволяющей легко отыскивать в памяти разнообразные сюжеты и образы и варьировать их в соответствии с текущей действительностью, – он обладает панорамным мышлением, взглядом на жизнь “с высоты птичьего полета”, с некой высшей точки зрения... Россию поэт сравнивает с Ярославной из “Слова о полку Игореве”, а своих современников – с курянами, “ищущими чести и славы”, но забывшими в какой-то трагический миг о своем Отечестве. В его стихах можно заметить ... художественные универсалии, присутствие которых подтверждает масштаб его таланта» [12, с. 89].

Николай Капитанов в лучших, наиболее глубоких по мысли стихах добивается масштабности и обобщения благодаря тому, что его произведения насыщаются живыми метафорами и олицетворениями, а иногда становятся развернутой метафорой. В его стихотворениях ощущается влияние ассоциативно-метафорической поэзии Юрия Кузнецова:

Ночью услышал настойчивый стук –
 Это дорога знакомая вдруг
 в дверь постучалась и в сердце вошла.
 В путь я решился. Была – не была!
 Светлой водицы со льдом пригубил,
 всех вспоминая, кого я любил.
 Только со свистом шагнул за порог –
 Ветер со свистом ударил в висок.
 Лес покачнулся на дальнем холме.
 Крепко дорогу держал я в уме.
 И не споткнулся о камень родной...
 Путь возвращенья я видел спиной [5, с. 102].

В стихотворении «Сходка» обобщающим образом-метафорой становится тень, в стихотворении «Стемнело. Но включили свет на столбе...» вспыхивающие один за другим огоньки освещают всю Россию. Подчас образ приобретает гиперболический, а то и гротесковый характер.

Любовь Гордеева, посвящая свое стихотворение тому или иному автору, как бы впитывает основные черты кузнецовской поэтики, мысленно проникает в его образную систему. Замечательны, например, строки стихотворения, посвященного Юрию Кузнецову: «Дремота сильнее меня, / В дремоте я тихо плыву / На краешек

резвого дня, / Где пища найдется уму» [3, с. 14]. Поэтесса словом не обмолвилась о том, что Юрий Кузнецов утверждал своим творчеством русскую идею. Но для человека, хорошо знающего творчество Ю. Кузнецова, возникновение мотива дремоты весьма показательно. «Поэт в своём “Воззрении” писал о русской дремоте как черте национального характера и национального бытия» [13, с. 90]. В стихотворении «Посвящение» она воссоздает образ великого русского поэта – нашего современника: «Есть голос на все времена: / в нем чаянья с мукой сплелись, / полна им и бездна и высь, / и даль его громом полна» [2, с. 151]. «Бездна», «высь», «даль» – ключевые слова в поэзии Кузнецова. Вот он, русский национальный характер с его максимализмом и крайностями: «Но если идти, то до неба, / Но если сгорать, то дотла» [2, с. 151]. Исполнитель образ поэта сравнивается с образом Георгия Победоносца. Собственно и сама Л. Гордеева выходит на уровень воплощения мифологического сознания, что придает её стихам масштабность, космизм, глобальность:

И снова полем земного мира
Люди, как тени, идут.
И снова звучит безголосая лира –
Душе и отрада и труд!
Кто-то новый строит скворечник,
Кто-то и печь сложил,
Кому-то зажгли поминальные свечи,
А кто-то и вовсе не жил [3, с. 17].

В стихотворении «Конь» возникает мифологический образ Пегаса: «Земного хлеба просит он с руки / и звезды отряхает с лунной гривы, / шаги его неслышны и легки / в края созревшей безголосой нивы» [2, с. 149]. Подчас поэтесса не удовлетворяется живой метафорой, а, как и Кузнецов, использует метаморфозу: «Но плач обратился в дожди, / А смех стал осколком прибора...» [2, с. 150] Поэтессе удается передать ощущение парадоксальности мира, смертельную схватку добра и зла.

Несомненно, даром поэтического виденья мира обладает и Наталья Лосева. Её стихи искренни, душевны, исповедальны. О самой поэтессе и её творчестве можно сказать: «святая простота». Она родилась в г. Тихорецке, где её земные пути пересекались с земными путями Юрия Кузнецова, чьё творчество она бесконечно ценит. Замечательно её стихотворение «Мать поэта», посвященное матери Юрия Кузнецова. О темах и мотивах своего творчества она сама сказала в стихотворении «Письма»:

Пишу тебе про росчерки на небе,
Что оставляет белый самолет,
Пишу тебе я о душистом хлебе,
Пишу о вечном то, что не пройдет.
Пишу тебе я о пыльце цветочной,
О крохотных прожилочках листа,
Про шум воды по трубам водосточным.
Без этого была бы я не та... [11, с. 70].

Ряд тверских поэтов не устраивает концепция мира, человека и Бога в творчестве Юрия Кузнецова. К ним можно отнести А. Кулакову, А. Устьянцева, В. Токарева, В. Крусса и некоторых других. Тем не менее мощное влияние образной системы Ю. Кузнецова чувствуется и в их творчестве.

Таковы стихи-сны Анны Кулаковой: «Сон о кнопке», «Сон о пещерах», «Сон о руках», «Сон о следующем дне», которые позволяют ставить глубинные со-

циально-нравственные проблемы современности, и прежде всего сохранения жизни нации, человечества, всей нашей планеты. Здесь появляются эсхатологические мотивы («Сон о следующем дне»). Подлинное поэтическое мастерство проявилось в созданном А. Кулаковой «Венке сонетов». Поэтесса пытается выработать свою концепцию бытия, выявить свою индивидуальность, противопоставить своё видение соотношения субъекта и объекта общепринятым представлениям.

Некоторые стихи Кулаковой приближаются к форме притчи: «Царевна-лягушка», «Муравьи под асфальтом», «Трава-череда», «Богатырь». Так, лягушка-царевна в стихотворении «Царевна-лягушка» воплощает природные силы. Слишком рано Иван-дурак сжег шкурку лягушки, и она мстит за это человечеству, вызывая цунами, тайфуны, наводнения, сушь и недороды. Характерно в этом отношении стихотворение Ю. Кузнецова «Атомная сказка», вслед за которым А. Кулакова написала свое стихотворение. Кузнецов использовал тот же сказочный сюжет. Но сказка накладывается на современность с её научным экспериментом: «Положил он лягушку в платок. / Вскрыл ей белое царское тело / И пустил электрический ток» [8, с. 62]. Возникает напряженный конфликт. Сказке, как символу духовного богатства народа, угрожает опасность: бездуховное, утилитарное отношение к жизни, природе, искусству, национальному прошлому народа. Это стихотворение – предупреждение о бедствиях, которые поджидают человечество на путях НТР. Русского Ивана-дурака на путях социального, научного, культурологического рационализма ждет крах. А каков итог поэтических размышлений Кулаковой? «Или рано шкурку мы спалили? / Иль душа лягушачья у нас?» [10, с. 38] – заканчивает она стихотворение. Выражение «лягушачья душа» явно употреблено в негативном, сниженном значении. Поэтесса оказывается в роли кузнецовского Ивана-дурака, уничтожающего сказку, а в данном случае – природное начало в человеке.

А. Кулакова целый раздел своей последней книги посвятила пародиям. Но следует признать, что лёгким юмором она не обладает и остроумием не блещет. Тенденциозно и нравоучительно, против чего направлен пафос её творчества, выглядит, например, пародия «Возмездие» на стихотворение Ю. Кузнецова «Я пил из черепа отца...». Поэт никогда не стремился к эпатажу. Образ у него органичен и неотрывен от контекста: «Я пил из черепа отца / За правду на земле, / За сказку русского лица / И верный путь во мгле. / Вставали солнце и луна / И чокались со мной. / И повторял я имена, / Забытые землей» [9, с. 123]. «Какое там “предание”, какая там верность гуманистическим традициям российского стиха, если в лирике Кузнецова ни в грош не ставятся даже обычная мораль, даже обычные нормы человеческого общежития» [19, с. 241], – содрогнулся критик при чтении стихов Кузнецова. К совести поэта взывает и Кулакова. Но, конечно, все «морально-гигиенические» упреки в адрес Ю. Кузнецова несостоятельны. Это не «стихи ужасов» и не способ привлечь к себе внимание. И суть не в том, что подобный образ встречался в пушкинском «Послании к Дельвигу». Дело в метафорическом мышлении автора. В образе заключена не только мысль о преемственности делу отцов, но и трагичность этого пути. Стихотворение передает ощущение единства жизни и смерти, космической масштабности всего, что совершается на земле и в душе лирического героя. «Кощунственно не замечать или обличать выраженное поэтом сыновье почтение к отцу», – подводил итог дискуссии об этом стихотворении И. Рогощенков [14, с. 98]. Поэт конкретно и предметно утверждал, что жизнь есть любовь. В то же время он поддерживал мысль И. Ильина «о сопротивлении злу силою» [4, с. 275]. В стихах Ю. Кузнецова заключена мощная критика рационалистического сознания и современной цивилизации

в целом. Тверской поэтессе стоило бы вникнуть во все эти проблемы, прежде чем создавать свой поэтический опус.

Потеряв жизненные ориентиры, явно в противовес точке зрения на мир Ю. Кузнецова, Анатолий Устьянцев утверждает: «Жизнь прекрасна, пока неясна», – и находит один выход: «бичевать по стране, / Утопая в вине и вине, / Ради смысла, которого нет» [18, с. 23]. Отсюда и ощущение ничтожности человека перед бесконечным и необозримым космосом: «Только и успев поднять глаза, / Ты мгновенно превратишься в точку» [18, с. 29]. Но когда Анатолий Устьянцев пишет: «Я пройду по чистой половице, / И она знакомо отзовется» [18, с. 15], – вспоминаются строки Ю. Кузнецова: «Он прошёл по одной половице, / И весь путь она пела ему» [8, с. 87].

В стихах Ю. Кузнецова ясно звучит тревога за судьбы планеты, за будущее России, за сохранность и жизненность национальных идеалов, за чистоту и красоту народной нравственности и эстетики. Поэзия Ю. Кузнецова глубоко конфликтна. В мире идет непрекращающаяся борьба добра и зла, борьба сатанинских сил с Богом. Понятия Неба, Солнца, Звезды несут в себе смыслы, связанные с понятиями Добра, Любви, Справедливости, Бога. По этому пути идут и тверские поэты. А по какую сторону баррикад каждый из них находится – судить читателю.

Список литературы

1. Анкудинов К., Бараков В. Юрий Кузнецов: Очерк творчества. М. ; Вологда : Свеча, 1996. 104 с.
2. Гордеева Л. Пески времени. Стихотворения. Тверь : Седьмая буква, 2011. 256 с.
3. Гордеева Л. Цветы полнолуния. Лирика. Тверь : СФК-офис, 2006. 240 с.
4. Ильин И.А. Для русских. Избранное. Смоленск : Посох, 1995. 416 с.
5. Капитанов Н. С. Избранное. Стихотворения. Тверь : Тверская областная типография, 2006. 176 с.
6. Кузнецов Ю. Воззрение // Наш современник. 2004. № 1. С. 98–106.
7. Кузнецов Ю.П. Душа верна неведомым пределам... М. : Современник, 1986. 72 с.
8. Кузнецов Ю.П. Крестный ход. Стихотворения и поэмы. М. : СовА, 2006. 640 с.
9. Кузнецов Ю.П. Стихотворения. М. : Эксмо, 2011. 480 с.
10. Кулакова А.М. Итоги. Стихотворения и поэма. Тверь : Седьмая буква, 2011. 178 с.
11. Лосева Н.В. Лепестки чайной розы Стихотворения. Тверь : Марина, 2006. 96 с.
12. Николаева С.Ю. Поэтическая книга как жанр в творчестве Георгия Степанченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. Вып. 1. С. 88–95.
13. Редькин В.А. Творческая индивидуальность тверской поэтессы Л. Гордеевой // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 10. Вып. 3. С. 86–94.
14. Рогощенков И. Память и надежды. М. : Современник, 1988. 334 с.
15. Рябенький К.В. Берег любви. Избранные стихотворения. Тверь : Русская провинция, 1995. 160 с.
16. Рябенький К.В. Березовое зеркало. Тверь : Центрпрограммсистем, 1992. 94 с.
17. Рябенький К.В. Глоток журавлиного неба. Вышний Волочек : Ванчакова линия, 2008. 128 с.
18. Устьянцев А.В. Заката красное число. Сборник стихотворений. Тверь : Лилия Принт, 2006. 202 с.

19. Чупринин С.И. Крупным планом. Поэзия наших дней: Проблемы и характеристики. М. : Высшая школа, 1983. 288 с.

KUZNETSOV'S HERITAGE IN THE TVER POETS' WORKS

V. A. Redkin

Tver State University

the department of philological basics of publishing and literary creation

Yu. Kuznetsov is close to many Tver poets by his national-patriotic orientation, experiencing the Empire ideas, understanding the poetry as the artistic universe spring manifestation. However, the matter is not only the outlook but also their artistic worlds proximity. A number of Tver poets do not accept Kuznetsov's conception of the world, human being and God. Nevertheless, a powerful influence of Kuznetsov's descriptive system affects their works.

Key words: *Tver poetry, Y. Kuznetsov, K. Ryabenskiy, L. Gordeeva, G. Stepanchenko, A. Kulakova, pochvennichestvo, moral realism, metaphor, myth, symbol, philosophical existence understanding.*

Об авторе:

РЕДЬКИН Валерий Александрович – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: foivid-red@rambler.ru.